

Archibald Joseph

**CRONIN**

*1896 – 1981*

Арчибальд  
КРОНИН

# *Цитадель*

*Роман*



Санкт-Петербург

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44  
К 83

A. J. Cronin  
THE CITADEL  
Copyright © A. J. Cronin, 1937  
All rights reserved

Перевод с английского Марии Абкиной  
Серийное оформление Вадима Пожидаева  
Оформление обложки Валерия Гореликова

### **Кронин А.**

К 83 Цитадель : роман / Арчибальд Кронин ; пер. с англ. М. Абкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 512 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-13889-6

«Цитадель» — возможно, самая известная книга Кронина, это замечательный злободневный роман-притча о жизненном пути человека от его становления и развития до разложения и упадка личности под гнетом суровой реальности.

Эндрю Мэнсон приезжает на первую в своей жизни практику с благородной целью: помочь как можно большему количеству людей. Он искренне хочет стать одним из тех, кто сможет по-настоящему прославить медицину. Все начинается с малого, но Эндрю не отступает перед трудностями: в захолустном городке молодой человек числится помощником доктора, но на самом деле он сам — доктор. Такова жизнь и Эндрю принимает вызов! Мало-помалу, меняя одну больницу за другой, Эндрю делает головокружительную карьеру. Однако за взлетами в один момент становится трудно обрести самого себя. Успешный доктор теперь гораздо реже задается глобальными вопросами о том, как изменить медицинскую систему.

УДК 821.111  
ББК 84(4Вел)-44

© Издание на русском языке, оформление.  
ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“, 2017  
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-13889-6

# Часть первая



## I

В конце одного октябрьского дня в 1924 году бедно одетый молодой человек с жадным вниманием глядел в окно вагона третьего класса в почти пустом поезде, медленно тащившемся из Суонси в Пеноуэльскую долину.

Мэнсон, ехавший с севера, был в дороге целый день и два раза пересаживался — в Карлайле и в Шрусбери. Тем не менее и теперь, к концу утомительного путешествия в Южный Уэльс, его возбуждение не только не улеглось, но и еще усилилось, подогреваемое мыслями о начале его врачебной деятельности, о первом в его жизни месте врача в этой незнакомой и некрасивой части страны.

Снаружи, между горами, высившимися по обе стороны однопутного железнодорожного пути, лил сильный дождь, все затемняя сплошными водяными потоками. Вершины гор тонули в сером небе, но их склоны, изрезанные рудниками, были видны — черные, пустынные, обезображенные большими кучами шлака, по которым в тщетных поисках корма кое-где бродили грязные овцы. Нигде ни куста, ни травинки. Деревья, хилые, скелетообразные, в сумеречном свете походили на привидения. На повороте дороги сверкнул красный огонь литейни, осветив группу рабочих, голых до пояса. В их обнаженных торсах чувствова-

лось напряжение, руки были подняты для удара. Как быстро ни промелькнула эта картина, заслоненная надшахтными сооружениями, которые теснились за поворотом, она оставила по себе впечатление мощи, живое и бодрое. Мэнсон вдохнул полной грудью. Он ощутил прилив сил, внезапно захватывающее воодушевление, рожденное надеждами на будущее.

Вечерний мрак упал на землю, придавая всему окружающему еще более пустынный и неприветливый вид, и полчаса спустя поезд, шумно пыхтя, пошел к Блэнелли, конечной станции и последнему городу в Пеноуэльской долине. Путешествие Мэнсона наконец закончилось. Взяв свой дорожный мешок, он соскочил с подножки вагона и пошел по перрону, напряженно высматривая, не встречает ли его кто-нибудь. У выхода, под фонарем, задуваемым ветром, стоял в ожидании старик с желтым лицом, в четырехугольной шапке и макинтоше, длинном, как ночная сорочка. Он с желчным видом осмотрел Мэнсона и наконец сказал как-то неохотно:

— Вы новый помощник доктора Пейджа?

— Совершенно верно, Мэнсон. Мое имя — Эндрю Мэнсон.

— Угу, — промычал старик. — А мое — Томас, Старый Томас, как чаще всего величают меня эти бездельники. Я приехал в двуколке. Садитесь, коли не хотите добираться вплавь.

Мэнсон, таща свой мешок, влез в расхлябанную двуколку, запряженную крупной костлявой черной лошадейю. За ним влез и Томас, натянул поводья и обратился к лошади:

— Ну, пошла, Тэффи!

Они ехали по городу, который, как ни старался Эндрю разглядеть его получше, казался сквозь хлеставший дождь просто беспорядочной кучей низеньких серых домишек, приютившихся у подножия вы-

соких гор. Первые несколько минут старый кучер, не вступая в разговор, мрачно поглядывал на Эндрю из-под полей своей шляпы, с которых ручьями текла вода. Высохший и сморщенный, неряшливо одетый, он ничуть не походил на щеголеватого кучера преуспевающего доктора, и от него исходил сильный и специфический застарелый запах кухонного сала. Наконец он заговорил:

— Наверное, только что окончили учение, а? — (Эндрю утвердительно кивнул.) — Так я и думал! — Старый Томас сплюнул в сторону. Довольный своей догадливостью, он стал общительнее. — Последний помощник уехал десять дней тому назад. Здесь редко кто остается долго.

— А почему? — улыбнулся Эндрю, несмотря на нервное волнение.

— Во-первых, я думаю, оттого, что работа слишком тяжела...

— А во-вторых?

— Сами увидите!

Некоторое время спустя Томас с таким видом, с каким гид показывает туристам какой-нибудь величественный собор, поднял кнут и указал на один из последних в ряду домиков, из освещенной двери которого выходило облако чада.

— Видите? Тут моя хозяйка и я торгуем жареной картошкой. Жарим два раза в неделю. И рыба бывает свежая. — Его длинная верхняя губа задергалась скрытой усмешкой. — Я думаю, вам это не мешает знать, скоро пригодится.

Тем временем они проехали до конца главной улицы, свернули на боковую, короткую и неровную, затем двуколка протряслась по какому-то пустырю и узкой аллее, которая вела к дому, стоявшему как-то на отлете, отдельно от других, за тремя араукариями. На воротах красовалась надпись: «Брингоуэр».

— Вот мы и приехали, — сказал Томас, останавливая лошадь.

Эндрю вылез из двуколки. Пока он собирался с духом перед церемонией представления, дверь распахнулась, и через минуту он очутился в освещенной передней, где его приветствовала потоком слов низенькая, кругленькая, улыбающаяся женщина лет сорока с лоснившимся лицом и блестящими бойкими глазами.

— Ага, вы, конечно, доктор Мэнсон. Входите, мой дорогой, входите. Я жена доктора, миссис Пейдж. Надеюсь, вас не утомила поездка? Очень рада, что вы приехали. Я чуть с ума не сошла после того, как уехал тот ужасный субъект, что последним служил у нас. Жаль, что вы его не видели! И мот же, скажу я вам! В жизни такого не встречала. Ну, теперь, когда вы здесь, все будет в порядке. Пойдемте, я сама провожу вас в вашу комнату.

Комната Эндрю наверху оказалась маленькой камеркой, в которой стояли латунная кровать, желтый лакированный комод и бамбуковый столик с кувшином и тазом для умывания. Оглядывая комнату, в то время как круглые черные глаза хозяйки испытующе следили за выражением его лица, Эндрю сказал с натянутой вежливостью:

— Что ж, здесь очень уютно, миссис Пейдж.

— Да, разумеется. — Она улыбнулась и матерински погладила его по плечу. — Вы здесь отлично устроитесь, мой милый. Относитесь ко мне хорошо, и тогда я к вам буду относиться хорошо. Честно сказано, не так ли? Ну а теперь пойдемте, я вас сию же минуту познакомлю с доктором Пейджем. — Она остановилась, все так же испытующе глядя ему в глаза, но стараясь говорить непринужденно. — Не помню, писала ли я вам, что доктор... в последнее время не совсем здоров.

Эндрю с внезапным удивлением посмотрел на нее.



— О, ничего серьезного, — продолжала она поспешно, прежде чем он успел вставить слово. — Он слег неделю-другую тому назад. Но скоро совсем поправится. Можете в этом не сомневаться.

Озадаченный Эндрю шел за ней до конца коридора. Здесь она открыла одну из дверей и весело воскликнула:

— Эдвард, вот доктор Мэнсон, наш новый помощник! Он пришел с тобой поздороваться.

Когда Эндрю вошел в комнату — длинную, обставленную по-старомодному спальню с наглухо закрывавшими окна синелевыми портьерами и скудным огнем в камине, — Эдвард Пейдж медленно повернулся на постели. Видно было, что это стоило ему больших усилий. То был высокий костлявый человек лет шестидесяти, с лицом, изрезанным суровыми морщинами, с утомленными светлыми глазами. Лицо его носило отпечаток страдания и какого-то терпеливого изнеможения. Но это было еще не все. При свете керосиновой лампы, падавшем на подушку, видно было, что половина лица неподвижна и желта, как воск. Вся левая половина тела также была парализована, а левая рука, лежавшая на лоскутном одеяле, скрючена так, что походила на какую-то желтую шишку. Заметив все эти признаки тяжелого и далеко не недавнего паралича, Эндрю ощутил внезапный ужас. Наступило неловкое молчание.

— Надеюсь, вам здесь у нас понравится, — наконец сказал доктор Пейдж. Он говорил медленно, с трудом, глотая слова. — И надеюсь, работа окажется вам по силам. Вы еще очень молоды.

— Мне двадцать четыре года, сэр, — натянуто возразил Эндрю. — Конечно, это первая моя служба... но я работы не боюсь.

— Вот видишь, Эдвард! — подхватила, сияя, миссис Пейдж. — Ну не говорила ли я тебе, что со следующим помощником нам повезет!



Лицо Пейджа еще больше застыло. Некоторое время он смотрел на Эндрю. Но потом как будто утратил интерес к нему и сказал устало:

— Надеюсь, вы от нас не сбежите.

— Господи Боже мой! — воскликнула миссис Пейдж. — Что это за разговоры! — Она повернулась к Эндрю, улыбкой прося извинения. — Это оттого, что он сегодня чуточку не в духе. Но он скоро встанет и опять примется за дело. Не правда ли, милый? — Она наклонилась и крепко поцеловала мужа. — Ну, отдыхай. Как только мы поедем, Энни принесет и тебе поужинать.

Пейдж ничего не ответил. От каменной неподвижности половины его лица рот казался искривленным. Здоровая рука протянулась к книге, лежавшей на столике у кровати. Эндрю заметил ее заглавие: «Дикие птицы Европы». Еще раньше, чем больной принялся за чтение, новый помощник почувствовал, что пора уходить.

К ужину Эндрю сошел вниз в ужаснейшем смятении. Он получил это место помощника врача, откликнувшись на объявление в «Ланцете». Но в переписке миссис Пейдж ни словом не упоминала о болезни доктора Пейджа. А между тем Пейдж, несомненно, тяжело болен: налицо все признаки кровоизлияния в мозг, лишившего его трудоспособности. Пройдет немало месяцев, прежде чем он опять будет в состоянии работать, если это вообще когда-нибудь будет.

Но, сделав над собой усилие, Эндрю перестал думать об этой неприятности. В конце концов, он молод, здоров, ничего не имеет против лишней работы, которая достанется на его долю из-за болезни Пейджа. В своем энтузиазме новичка он жаждал целой лавины пациентов.

— Вам повезло, дорогой мой, — весело объявила миссис Пейдж, суетливо влетая в столовую. — Се-

годня вы можете сразу ужинать. Амбулаторного приема не будет. Дэй Дженкинс проделал все вместо вас.

— Дэй Дженкинс?

— Да, это наш аптекарь, — небрежно пояснила миссис Пейдж. — Он у нас мастер на все руки. И услужливый малый. Некоторые даже называют его «доктор Дженкинс», хотя, конечно, его ни в коем случае нельзя равнять с доктором Пейджем. Он последние десять дней принимал больных в амбулатории и делал все визиты тоже.

Эндрю, в новом приливе замешательства, уставился на нее. Мелькнуло в памяти все то, что ему говорили, предупреждения относительно весьма сомнительной постановки врачебного дела в этих глухих уголках Уэльса. Ему снова пришлось сделать над собой усилие, чтобы промолчать.

Миссис Пейдж села во главе стола, спиной к огню. Удобно примостившись в своем кресле с подушкой, она блаженно вздохнула в предвкушении ужина и позвонила в стоящий перед ней колокольчик. Ужин подала немолодая служанка с бледным, тщательно умытым лицом, которая, войдя, бросила украдкой взгляд на Эндрю.

— Вот, Энни, это — доктор Мэнсон! — воскликнула миссис Пейдж, намазав маслом кусок мягкой булки и запихивая его в рот.

Энни ничего не ответила. Сдержанно и молча подала Эндрю тонкий ломтик холодной вареной грудинки. А между тем ужин миссис Пейдж состоял из горячего бифштекса с луком и пинты портера. Подняв крышку с поданного ей отдельного блюда и разрезая сочное мясо, она, облизываясь от нетерпения, сочла нужным пояснить:

— Я сегодня плохо завтракала, доктор. Кроме того, я на особой диете. Это из-за малокровия. Из-за него приходится за едой выпивать и каплю портера.

Эндрю решительно принялся жевать жесткую, волокнистую грудинку, запивая ее холодной водой. После первого минутного возмущения в нем заговорило присущее ему чувство юмора. Жалоба миссис Пейдж на слабое здоровье звучала таким вопиющим противоречием ее наружности, что Эндрю с трудом подавил неудержимую потребность засмеяться.

Во время ужина миссис Пейдж усердно ела и говорила мало. Но наконец, управившись с бифштексом и подобрав кусочком хлеба весь соус с тарелки, она смачно облизала губы после остатков портера и откинулась на спинку кресла. Она немного задыхалась. Ее круглые щеки лоснились и пылали румянцем. Она, видимо, склонна была еще посидеть за столом, пуститься в излияния, а может быть, и рассчитывать с присущей ей наглостью выпытать у Мэнсона все, что ей хотелось о нем знать.

Перед ней сидел худой, нескладный, но энергичный и подтянутый молодой человек, черноволосый, с высокими скулами, с красиво очерченным ртом и синими глазами. Когда он поднимал эти глаза, их твердое, спокойно-пытливое выражение составляло разительный контраст с нервной напряженностью лица. Ничего не зная об этом, Блoduэн Пейдж видела перед собой чистый тип кельта. Оценив энергию и живой ум, выразившиеся в лице Эндрю, она, однако, больше всего была довольна той безропотностью, с какой он принял поданную ему скудную порцию пролежавшего три дня и жесткого, как подошва, мяса. Миссис Пейдж решила про себя, что, хотя новый помощник имеет вид человека изголодавшегося, прокормить его будет не трудно.

— Уверена, мы с вами отлично поладим, — весело объявила она, ковыряя в зубах головной шпилькой. — Пора уже, чтобы мне, для разнообразия, немножко повезло.

И, расчувствовавшись, она принялась поверять Эндрю свои заботы и огорчения, попутно сообщая некоторые сведения об условиях здешней врачебной практики.

— Это было ужас что такое, дорогой мой! Вы и вообразить себе не можете... Болезнь доктора Пейджа, помощники один отвратительнее другого, никаких доходов, все только одни расходы... Вы не поверите, что я пережила!.. А тут еще приходилось умастить директора и начальство на руднике, ведь через них мы получаем плату за лечение рабочих... Сущие гроши!.. — добавила она поспешно. — Видите ли, здесь, в Блэнелли, вот какой порядок. Правление рудника зачислило в штат трех докторов, но имейте в виду, что доктор Пейдж безусловно самый лучший из них. И ведь он так давно уже работает здесь! Больше тридцати лет — шутка сказать! Да, так вот эти три доктора могут нанимать себе сколько угодно помощников: у доктора Пейджа — вы, у доктора Льюиса имеется какой-то малый, по фамилии Денни, который бог знает что о себе мнит. Но помощники на службе в руднике не состоят, их в списки не заносят. Как я вам уже говорила, правление делает вычеты за лечение из заработка каждого рабочего в руднике и каменоломнях и выплачивает эти деньги штатным врачам, смотря по тому, сколько у них пациентов.

Она остановилась: эти пространные объяснения слишком утомили ее невежественный ум и перегруженный желудок.

— Теперь я, кажется, уже разобрался во всех ваших порядках тут, миссис Пейдж.

— Вот и хорошо! — Она весело засмеялась. — И больше вам ни о чем не надо беспокоиться. Единственное, что вы должны помнить, — это то, что вы работаете для доктора Пейджа. Это главное. Помните только, что вы работаете для доктора Пейджа, — и вы уживетесь отлично с его бедной женушкой!



Мэнсону, молча наблюдавшему за ней, казалось, что миссис Пейдж старается вызвать в нем сочувствие и в то же время подчинить его своему влиянию, все это под маской беспечной ласковости. Быть может, она почувствовала, что зашла слишком далеко, так как вдруг взглянула на часы, выпрямилась и воткнула шпильку, служившую ей зубочисткой, обратно в жирные черные волосы. Затем она поднялась. Голос ее прозвучал уже по-иному, чуть ли не повелительно:

— Кстати, нужно сходить к больному на Глайдерплейс, номер семь. Вызов поступил после пяти часов. Лучше всего идти туда сейчас же.

## II

С чувством, похожим на облегчение, Эндрю тотчас же отправился к больному. Он рад был возможности отделаться на время от странных и противоречивых ощущений, вызванных приездом в «Брингоуэр». У него уже мелькали смутные подозрения относительно того, как здесь в действительности обстоят дела и как Блодуэн Пейдж намерена его использовать, взвалив на него практику больного мужа. Положение создалось неожиданное и совсем не похожее на те романтические картины, которые некогда рисовало ему воображение. Но в конце концов, для него главное — его работа, остальное — пустяки. Он жаждал приступить к этой работе. Сам того не замечая, он ускорял шаги, все в нем было натянуто, как струна, все ликовало от сознания, что вот наконец-то начало — первый визит к больному.

Дождь все еще лил, когда Мэнсон, пройдя грязный неосвященный пустырь, пошел по Чэпел-стрит в направлении, довольно неопределенно указанном

ему миссис Пейдж. Город, по которому он проходил, смутно вырисовывался перед ним в темноте. Лавки, различные церкви и молельные дома — он насчитал их добрую дюжину, — затем большой кооперативный универсальный магазин, отделение Банка западных графств. Все это тянулось вдоль одной главной улицы, лежавшей на самом дне долины. В мысли, что город погребен на дне горной расселины, было что-то крайне угнетающее.

На улице встречалось очень мало людей. От Чэпел-стрит с обеих сторон отходили под прямым углом бесконечные ряды домиков с синими крышами — жилища рабочих. Вдалеке, у входа в ущелье, виднелись гематитовые рудники и заводы, а над ними громадным веером рассыпались по темному небу отблески пламени.

Мэнсон дошел до дома номер 7 на Глайдер-плейс и, задыхаясь, постучал в дверь. Его тотчас впустили и провели на кухню, где в алькове на кровати лежала больная. Это была молодая женщина, жена пудлинговщика Уильямса. С бурно колотившимся сердцем Мэнсон подошел к постели, изнемогая от волнения при мысли, что наступил наконец решающий момент его жизни. Как часто представлял он его себе, когда в толпе студентов слушал профессора Лэмплоу, демонстрировавшего им больных в своей палате. Сейчас не было вокруг толпы, в которой он ощущал бы поддержку, никто не давал разъяснений. Он был один лицом к лицу с необходимостью самому поставить диагноз и без чьей-либо помощи вылечить больную. И вдруг мгновенным острым испугом пришло сознание своей неопытности, нервности, полной неподготовленности к такой задаче.

В присутствии мужа, стоявшего тут же, в тесной, скудно освещенной кухоньке с каменным полом, он с добросовестной тщательностью осмотрел больную.



Не оставалось никакого сомнения в том, что случай серьезный. Женщина жаловалась на невыносимую головную боль. Температура, пульс, язык — все указывало на тяжелое заболевание. Но какое? Вторично осматривая больную, Эндрю с напряженной сосредоточенностью задавал себе этот вопрос. Первая пациентка! Он, конечно, приложит все усилия... но что, если он ошибется, сделает грубый промах? А еще хуже — если не сумеет поставить диагноз? Он ничего не упустил при осмотре больной. Ничего решительно. А все-таки решение этой задачи еще не давалось ему. Мысленно собирая воедино все симптомы, он пытался отнести их к какой-нибудь из известных болезней. Наконец, чувствуя, что невозможно дальше затягивать осмотр, он медленно выпрямился, разобрал и спрятал свой стетоскоп, все время ища, что сказать.

— Она, видно, простудилась? — спросил он, глядя в пол.

— Да, совершенно верно, доктор, — стремительно подтвердил Уильямс, который все время, пока длился осмотр, имел испуганный вид. — Три-четыре дня тому назад. Я был уверен, что это простуда, доктор.

Эндрю кивнул, мучительно силясь внушить этому человеку уверенность, которой сам не ощущал. Он пробормотал:

— Мы скоро поставим ее на ноги. Приходите через полчаса в амбулаторию, я дам вам для нее лекарство.

Он простился с ними и, опустив голову, усиленно размышляя, поплелся в амбулаторию — полуразвалившееся деревянное строение, стоявшее у самого въезда в аллею, которая вела к дому Пейджа.

Войдя туда, Эндрю зажег газ и принялся шагать из угла в угол между пыльными полками, заставленными синими и зелеными бутылками, ломая голову

все над той же задачей, ощупью доискиваясь правильного решения. В картине болезни не было ничего симптоматического. Да, это, должно быть, простуда.

Но в глубине души Эндрю знал, что это не простуда. Он застонал от отчаяния, испуганный, сердясь на себя за беспомощность. Он видел, что придется отложить пока постановку диагноза, выждать некоторое время. В клинике профессора Лэмплоу для таких темных случаев имелись изящные карточки с тактичной надписью: «Rugexia<sup>1</sup> неизвестного происхождения». Такой диагноз был и точен, и вместе с тем уклончив, ни к чему не обязывал и при этом звучал замечательно научно!

В полном унынии Эндрю достал из ящика под аптечной стойкой шестиунцевую склянку и, озабоченно хмурясь, начал составлять жаропонижающую микстуру. Spiritus aetheris nitrosi, салициловый натр — куда это запропастилась салицилка, черт бы ее побрал? Ага, вот она где! Он пытался утешить себя тем, что все это превосходные средства, которые непременно должны снизить температуру и принести большой пользу. Профессор Лэмплоу часто говорил, что нет другого такого ценного лекарства, как салициловый натр.

Он только что успел приготовить микстуру и с чувством некоторого удовлетворения надписывал сигнатурку, когда звякнул колокольчик, дверь с улицы отворилась, и в амбулаторию вошел невысокий, коренастый, весьма плотный и краснолицый мужчина лет тридцати, а за ним собака. Некоторое время никто не нарушал молчания. Пес, черно-рыжий, какой-то смешанной породы, присел на испачканные грязью задние лапы, а его хозяин, в накинутом на плечи мокрым клеенчатом плаще, из-под которого

---

<sup>1</sup> Лихорадочное состояние. — *Здесь и далее примеч. перев.*

виднелись поношенный костюм бумажного бархата, длинные чулки шахтера и подбитые гвоздями башмаки, разглядывал Эндрю с головы до пят. Когда он заговорил, в тоне его звучали вежливая ирония и раздражающая благовоспитанность.

— Я, проходя мимо, увидел свет в окне. И решил заглянуть к вам и познакомиться. Я Денни, помощник почтенного доктора Льюиса Л. О. А. Это означает, если вы этого не знаете, «лицензиат Общества аптекарей» — самое высокое из званий, известных Богу и людям.

Эндрю посмотрел на него несколько недоверчиво. Филип Денни закурил сигарету, вынутую из смятой бумажной пачки, бросил спичку на пол и без церемонии подошел ближе. Он взял в руки бутылку с лекарством, прочитал рецепт и указание насчет способа употребления, откупорил, понюхал, потом опять закрыл бутылку пробкой и поставил ее на место. Его утрюмое красное лицо смягчилось и выразило одобрение.

— Превосходно! Вы уже приступили к работе! «Через три часа по столовой ложке». Боже милостивый, как приятно встретить опять эту излюбленнуюстряпню, этот кумир всех докторов! Но, доктор, почему через три часа, а не три раза в день? Разве вам не известно, что по строго ортодоксальным правилам столовая ложка лекарства должна проходить через пищевод три раза в день? — Он сделал паузу, в его напускной серьезности еще сильнее чувствовалась мягкая насмешка. — Теперь скажите мне, доктор, что сюда входит? Spiritus aetheris nitrosi, судя по запаху. Замечательная вещь! Прекрасно, мой милый доктор, прекрасно. Это и мочегонное, и ветрогонное, и укрепляющее, и его можно хлебать хоть целыми ушатами. Помните, что сказано в красной книжечке? В сомнительных случаях прописывайте Spiritus

nitrosi. Или это говорится о йодистом калии? Ба, да я, кажется, забыл некоторые очень важные вещи!

В деревянном сарае снова наступило молчание, нарушаемое только стуком дождя, барабанившего по железной крыше. Неожиданно Денни рассмеялся, забавляясь растерянным лицом Эндрю, и сказал насмешливо:

— Ну, оставим в покое науку, доктор. Теперь вы должны удовлетворить мое любопытство. Для чего вы сюда приехали?

Раздражение начинало все сильнее овладевать Эндрю. Он ответил мрачно:

— Я рассчитывал превратить Блэнелли в курорт — что-то вроде курорта с минеральными водами, понимаете.

Денни снова захохотал. Этот смех оскорблял Эндрю, вызывая в нем желание ударить Денни.

— Остроумно, остроумно, мой милый доктор. Настоящий шотландский юмор, легкий, как паровой коток. К сожалению, не могу вам рекомендовать здешнюю воду как вполне подходящую для курорта. Что же касается медиков, так в нашей долине, милый доктор, эти представители славной и поистине благородной профессии — просто сброд.

— И вы в том числе?

— Совершенно верно, — кивнул Денни.

Он молчал с минуту, поглядывая на Эндрю изпод рыжеватых бровей. Затем ироническое выражение исчезло с его некрасивого лица, сменившись прежней угрюмостью. Тон его был горек и серьезен.

— Слушайте, Мэнсон! Я полагаю, что Блэнелли для вас — только этап на пути к Харли-стрит, но пока вы здесь, вам не мешает знать несколько вещей насчет этого местечка. Вы увидите, что оно не отвечает лучшим романтическим традициям. Здесь нет ни больницы, ни кареты «скорой помощи», ни рент-



геновских лучей — ничего. Когда больному нужна операция, ее делают на кухонном столе, а потом моют руки в раковине. Санитарные условия ниже всякой критики. В сухое лето ребяташки мрут как мухи от детской холеры. Пейдж, ваш патрон, был чертовски опытный старый врач, но теперь он человек конченный, его сожрала Блодуэн, и он уже никогда больше не сможет работать. Мой патрон, Льюис, не врач, а просто жадная и скупая повитуха. Брамсуэлл, Серебряный Король, не знает ничего, кроме нескольких сентиментальных изречений да Соломоновой Песни песней. Ну а я... я в ожидании лучших времен пью запоем. Да, еще имеется Дженкинс, ваш безответный аптекарь. Он делает блестящие дела, торгуя на стороне свинцовыми пилюльками от женских болезней. Вот как будто и все. Ну, пойдем, Гоукинс! — кликнул он собаку и, тяжело ступая, пошел к двери. На пороге остановился и посмотрел сначала на бутылку на стойке, потом на Мэнсона. Голос его звучал вяло, совершенно безучастно, когда он сказал: — Между прочим, я бы на вашем месте проверил, не брюшной ли это тиф у вашей больной на Глайдер-плейс. Бывают случаи не слишком типичные.

«Дзинь!» — звякнул опять колокольчик у двери. И прежде чем Эндрю успел сказать что-нибудь, доктор Филип Денни и Гоукинс скрылись в сыром мраке.

### III

Не жесткий матрац, в котором шерсть сбилась комьями, мешал Эндрю спать в эту ночь, а все растущее беспокойство относительно больной на Глайдер-плейс.

Был ли это тиф? Прощальное замечание Денни вызвало в его уже встревоженной душе новую веру-

ницу сомнений и дурных предчувствий. Боясь, что он упустил какой-нибудь важный симптом, он с трудом удерживался от того, чтобы встать и отправиться снова к больной в такой немислимо ранний час. Беспокойно ворочаясь всю долгую бессонную ночь напролет, он дошел уже до того, что спрашивал себя, понимает ли он вообще хоть что-нибудь в медицине.

У Мэнсона была бурная натура, склонная к исключительной напряженности переживаний. Вероятно, он унаследовал ее от матери, уроженки горной Шотландии, которая на своей родине, в Аллапуле, в детстве наблюдала, как северное сияние мечется по седому небу. Отец Эндрю, Джон Мэнсон, мелкий файфширский фермер, был человек уравновешенный, степенный и трудолюбивый. Но хозяйничал он на своей земле не слишком удачно, и когда, в последний год Мировой войны, он был убит на фронте, дела его остались в крайне запутанном и плачевном состоянии. Целый год Джесси Мэнсон усердно старалась сохранить ферму, завела молочное хозяйство и даже сама развозила в фургоне молоко, когда видела, что Эндрю слишком занят своими книгами, чтобы сделать это за нее. Но вскоре кашель, на который она в течение ряда лет не обращала никакого внимания, начал все сильнее мучить ее, и она неожиданно заболела чахоткой, от которой так часто гибнут тонкокожие, темноволосые жители гор.

В восемнадцать лет Эндрю оказался один на свете. Он учился тогда на первом курсе Университета Сент-Эндрю и получал стипендию — сорок фунтов в год, не имея, кроме нее, ни единого гроша за душой. Спасал его «Гленовский фонд», это типично шотландское учреждение, которое (употребляя наивную терминологию покойного сэра Эндрю Глена, его основателя) «приглашает достойных и нуждающихся студентов, получивших при крещении имя Энд-



рю, брать ссуды не свыше пятидесяти фунтов в год в течение пяти лет, при условии, если они готовы добросовестно погасить эти ссуды по окончании учения».

«Гленовский фонд» и способность весело голодать помогли Эндрю пройти весь курс в Университете Сент-Эндрю, а затем окончить медицинский факультет в городе Данди. А благодарность фонду и несносная честность заставили его тотчас по получении диплома спешно взять место в Южном Уэльсе, где только что окончившие врачи могли рассчитывать на больший заработок, нежели во всех других местах, с жалованьем 250 фунтов в год, хотя он, конечно, предпочел бы работать в Королевской больнице Эдинбурга и получать в десять раз меньше.

И вот он в Блэнелли. Встает, бреется, одевается, все это с лихорадочной быстротой, вызванной беспокойством о первой пациентке. Он торопливо позавтракал и побегал обратно в свою комнату. Здесь отпер чемодан и достал оттуда маленький футляр синей кожи. Открыл его и с серьезным выражением смотрел некоторое время на лежавшую внутри медаль, гунтеровскую<sup>1</sup> золотую медаль, которую ежегодно присуждали в Университете Сент-Эндрю студенту, сделавшему наибольшие успехи в клинической медицине. И он, Эндрю Мэнсон, получил эту медаль! Он ценил ее превыше всего, привык смотреть на нее как на талисман, залог счастливого будущего. Но в это утро он взирал на нее с гордостью, с какой-то странной тайной мольбой, словно стремясь вновь обрести веру в себя. Потом, спрятав футляр, поспешил в амбулаторию на утренний прием больных.

Когда Эндрю вошел в эту лачугу, он уже застал там Дэя Дженкинса, наливавшего воду из крана в большой глиняный горшок. Это был проворный верт-

---

<sup>1</sup> *Гунтер* — знаменитый шотландский хирург.

лявый человечек, с впалыми щеками в красных жилках, с глазами, шнырявшими одновременно во все стороны, и худыми ногами в таких тесных брюках, каких Эндрю ни на ком еще не видывал. Дженкинс поздоровался с ним и сказал заискивающе:

— Вам нет надобности приходиться так рано, доктор. Я могу до вашего прихода отпустить все повторные лекарства и выдать, кому нужно, удостоверения. Миссис Пейдж заказала резиновый штамп с подписью доктора Пейджа, когда он заболел.

— Благодарю вас, — возразил Эндрю, — но я хочу сам принять всех больных. — Он остановился, забыв на время о своей тревоге, пораженный тем, что делал аптекарь. — А что это вы делаете?

Дженкинс вместо ответа подмигнул ему:

— Из этого горшка вода покажется им вкуснее. Мы с вами знаем, что значит добрая старая «аqua»<sup>1</sup>, не так ли, доктор? Ну а пациенты этого не знают. Дуррак был бы я, если бы при них наливал воду в их бутылки прямо из крана!

Маленький аптекарь обнаруживал явное желание пуститься в откровенности, но из задней двери дома, за сорок ярдов от амбулатории, вдруг раздался громкий крик:

— Дженкинс! Дженкинс! Вы мне нужны — *сию же минуту!*

Дженкинс подскочил, как строго вымуштрованный пес при щелканье бича погонщика, и пробормотал дрожащим голосом:

— Извините, доктор. Меня зовет миссис Пейдж. Я... я должен бежать туда.

К счастью, на утренний прием пришло всего несколько человек, к половине одиннадцатого Эндрю всех отпустил и, получив от Дженкинса список боль-

---

<sup>1</sup> Вода (лат.).

ных, которых следовало посетить на дому, тотчас выехал в двуколке Томаса. В почти мучительном нетерпении он велел старому кучеру ехать прямо на Глайдер-плейс.

Через двадцать минут он вышел из дома номер 7 бледный, крепко сжав губы, со странным выражением лица. Пройдя два дома, вошел в 11-й, который тоже числился у него в списке. Из 11-го, перейдя улицу, — в 18-й. Из 18-го, завернув за угол, направился на Рэднор-плейс, где еще два адреса было записано Дженкинсом с указанием, что он уже побывал там вчера. Всего он за час сделал семь визитов в дома, расположенные очень близко друг от друга. В пяти случаях из семи, включая и пациентку из дома номер 7 на Глайдер-плейс, у которой уже появилась характерная сыпь, он обнаружил типичные признаки брюшного тифа. Последние десять дней Дженкинс лечил их мелом и опиумом. После вчерашней неудачной попытки поставить диагноз Эндрю теперь с ужасом убедился, что имеет дело с вспышкой эпидемии тифа.

Остальные визиты он проделал как можно быстрее, в состоянии, близком к панике.

За ланчем, во время которого миссис Пейдж была всецело занята отлично подрумяненным сладким мясом (которое, как она весело пояснила Мэнсону, «было приготовлено для доктора Пейджа, но почему-то ему не понравилось»), он хранил ледяное молчание, обдумывая этот вопрос. Он понимал, что от миссис Пейдж узнает очень мало и помощи от нее ждать нечего. И решил, что следует поговорить с самим Пейджем.

Но когда он вошел в комнату доктора, шторы там были опущены и Эдвард лежал пластом на кровати с сильной головной болью. Лицо его было очень красно и сморщено от боли. Хотя он знаком попросил гостя присесть, Эндрю почувствовал, что было

бы жестоко сейчас расстраивать больного новой неприятностью. Посидев несколько минут у кровати, он встал, собираясь уйти, и ограничился лишь следующим вопросом:

— Скажите, доктор Пейдж, что надо первым делом предпринять, когда имеются случаи заразных болезней?

Пауза. Потом Пейдж, не открывая глаз и не двигаясь, ответил с таким видом, как будто уже от одного того, что он заговорил, его мигрень усилилась:

— В таких случаях всегда бывают затруднения. У нас нет даже и больницы, не говоря уже об изоляционных бараках. Если вы натолкнетесь на что-нибудь очень серьезное, позвоните Гриффитсу в Тониглен. Это в пятнадцать милях отсюда, ниже Блэнелли. Гриффитс — окружной врачевный инспектор. — Снова пауза, длиннее предыдущей. — Но боюсь, что от этого мало будет пользы.

Утешенный такими сведениями, Эндрю помчался вниз, в переднюю, и позвонил в Тониглен. Стоя у телефона с трубкой у уха, он заметил Энни, служанку, смотревшую на него из-за двери кухни.

— Алло! Алло! Это доктор Гриффитс? — Он наконец добился соединения.

Мужской голос ответил очень сдержанно и осторожно:

— А кто его спрашивает?

— Говорит Мэнсон из Блэнелли, ассистент доктора Пейджа. — Голос Эндрю достиг высшей степени напряжения. — У меня здесь пять случаев тифа. Я прошу доктора Гриффитса немедленно приехать.

Откровеннейшая пауза и затем стремительный ответ монотонной заискивающей скороговоркой, с сильным уэльским акцентом:

— Ужасно сожалею, доктор, ужасно сожалею, но доктор Гриффитс уехал в Суонси. По важному служебному делу.



— А когда он вернется? — крикнул Мэнсон во весь голос (телефон был в неисправности).

— Право, доктор, не могу сказать навверное.

— Но послушайте...

На другом конце провода что-то щелкнуло. Говоривший совершенно хладнокровно повесил трубку. Мэнсон в гневном раздражении громко выругался:

— Ах, черт побери, я уверен, что это был сам Гриффитс!

Он позвонил снова, но его не соединяли. Он с упорной настойчивостью собирался звонить в третий раз, когда, обернувшись, увидел, что Энни вышла в переднюю и стоит, сложив на фартуке руки, спокойно и степенно глядя на него.

Это была женщина лет сорока пяти, очень опрятная, с серьезным и неизменно ясным выражением лица.

— Я нечаянно слышала ваш разговор, доктор, — сказала она. — Доктора Гриффитса никогда не застанете в Тониглене в этот час. Он чаще всего днем уезжает в Суонси играть в гольф.

Сияясь проглотить клубок, подкатившийся к горлу, Мэнсон сердито возразил:

— Но мне кажется, что со мной говорил именно он.

— Возможно. — Энни слабо усмехнулась. — Я слышала, что, когда он и не уезжает в Суонси, то отвечает, что уехал. — Она дружелюбно и спокойно посмотрела на Эндрю, затем повернулась к двери и заключила: — Я бы на вашем месте не стала терять время на разговор с ним.

Эндрю повесил трубку и со все возрастающим негодованием и тревогой, бормоча проклятия, вышел из дому и вторично обошел своих больных. Когда он воротился, пора было начинать вечерний прием. Полтора часа просидел он за перегородкой, в тесной

каморке, изображавшей кабинет врача, осматривая больных, которыми была битком набита приемная, до тех пор, пока не запотели стены и в комнате можно было задохнуться от испарений, выделяемых мокрыми телами. Рудокопы с порезанными пальцами, с профессиональными болезнями глаз и коленных связок, с хроническим ревматизмом. Их жены и дети — кашляющие, простуженные, с каким-нибудь растяжением или вывихом, со всякими другими мелкими человеческими недугами. При иных обстоятельствах Эндрю эта работа доставила бы удовольствие, ему приятно было бы даже спокойно-оценивающее наблюдение за ним этих хмурых людей с землистыми лицами, перед которыми он чувствовал себя как на экзамене. Но сегодня он был всецело поглощен более важным вопросом и голова у него шла кругом от сыпавшегося на него града пустячных жалоб. И все время, пока он писал рецепты, выстукивал груди и давал советы, в нем зрело решение, которое он мысленно выражал следующими словами: «Это он меня надоумил. Я его ненавижу, да, он мне противен, этот высокомерный дьявол, но ничего не поделаешь, придется идти к нему».

В половине десятого, когда из амбулатории ушел последний пациент, Эндрю с решительным видом вышел из своей каморки.

— Дженкинс, где живет доктор Денни?

Маленький аптекарь, который в эту минуту спешно закрывал на засов наружную дверь, опасаясь, чтобы в амбулаторию не забрел еще какой-нибудь запоздалый посетитель, повернулся к Эндрю с почти комичным выражением ужаса на лице.

— Ведь вы же не станете связываться с этим человеком, доктор? Миссис Пейдж... Она его не любит.

Эндрю спросил угрюмо:

— А почему это она его не любит?



— Да потому же, почему и все. Он был так безобразно груб с ней. — Дженкинс замолчал, но затем, всмотревшись в лицо Мэнсона, добавил неохотно: — Что ж, если вы непременно желаете знать, — он живет у миссис Сиджер, Чэпел-стрит, номер сорок девять.

Снова в путь. Эндрю целый день был на ногах, но не чувствовал усталости, поглощенный сознанием своей ответственности, озабоченный эпидемией тифа, тяжелым грузом легшей ему на плечи. Он испытал большое облегчение, когда, придя на Чэпел-стрит, 49, узнал, что Денни дома. Хозяйка проводила его к нему.

Если Денни и удивился его приходу, то ничем этого не показал. Он только спросил после долгого и невыносимого для Эндрю разглядывания его в упор:

— Что, уже отправили кого-нибудь на тот свет?

Эндрю, все еще стоявший на пороге теплой неприбранной гостиной, покраснел, но, сделав над собой громадное усилие, подавил гнев и обиду. Он сказал отрывисто:

— Вы были правы. Это брюшной тиф. Меня убить мало за то, что я сразу не распознал его. Уже пять случаев. Я не в большом восторге, что приехал сюда. Но надо что-то делать, а я здесь новый человек и не знаю что. Я звонил врачебному инспектору, да ничего от него не добился. И пришел к вам за советом.

Денни, в своем кресле у камина, полуобернувшись, слушал с трубкой в зубах и наконец сказал ворчливо:

— Вы бы лучше вошли. — Затем, с внезапным раздражением: — Ох, да садитесь же, ради бога! Не стойте, как пресвитерианский священник, который готовится предать кого-нибудь анафеме. Выпить чего-нибудь хотите? Нет? Ну конечно, я так и думал, что не захотите.

Но даже и тогда, когда Эндрю, неохотно уступая его настояниям, сел с оборонительным видом и даже закурил сигарету, Денни не торопился начинать разговор. Он сидел, тыкая своего пса Гоукинса носком рваной домашней туфли. Наконец, когда Мэнсон докурив сигарету, он сказал, кивком указывая на стол:

— Взгляните, пожалуйста, на это!

На столе стоял прекрасный цейссовский микроскоп и лежало несколько препаратов. Эндрю поместил один из них под микроскоп и сразу различил характерные палочки — группы тифозных бактерий.

— Сделано, конечно, очень неумело, — небрежно, скороговоркой заметил Денни, как бы торопясь предупредить критику. — Просто сварганил кое-как. Я, слава богу, не лабораторная крыса. Я хирург. Но при наших проклятых порядках приходится быть мастером на все руки. Впрочем, как ни плохо сделаны препараты, ошибиться нельзя, видно даже невооруженным глазом. Я их приготовил на агаре в моей печке.

— Значит, и у вас были случаи тифа? — спросил Эндрю с жадным интересом.

— Четыре. Все на том же участке, где ваши. — Денни замолчал. — И эти клопики, что вы тут видите, — из колодца на Глайдер-плейс.

Эндрю смотрел на него, оживившись, сгорая от желания задать десятки вопросов, начиная понимать, как серьезно относится к своей работе этот человек, а главное — безмерно обрадованный тем, что ему указали источник заразы.

— Видите ли, — заключил Денни все с той же холодной, горькой иронией, — паратиф здесь более или менее обычное явление. Но когда-нибудь — скоро, очень скоро! — мы дождемся хорошенькой вспышки эпидемии. Виновата в этом главная канализационная труба. Она вся дырявая, и нечистоты просачиваются из нее, отравляя половину подземных источни-

ков в городе. Я вдалбливал это Гриффитсу, пока не измучился. Но он ленивая, увертливая, ни на что не годная благочестивая скотина. Во время нашего последнего разговора по телефону я пригрозил, что при встрече проломлю ему башку. Наверное, оттого он и увильнул от вас сегодня.

— Это черт знает что! Позор! — крикнул Эндрю, увлеченный внезапным порывом возмущения.

Денни пожал плечами:

— Он не хочет требовать ничего от городского управления, боясь, как бы ему не урезали жалованье, чтобы оплатить необходимые расходы.

Наступило молчание. Эндрю горячо желал продолжения разговора. Несмотря на неприязненное чувство к Денни, в нем странным образом возбуждали энергию пессимизм этого скептика, его хладнокровный и обдуманый цинизм. Но он не находил предлога оставаться здесь дольше. Поэтому он встал из-за стола и направился к двери, скрывая свои истинные чувства и решив просто вежливо поблагодарить Денни, показать ему, какое облегчение он теперь испытывает.

— Очень вам признателен за сведения. Благодаря вам мне теперь все ясно. Меня беспокоила причина эпидемии, я думал, тут имеется какой-то носитель заразы, но раз вы установили, что все дело в колодце, тогда это гораздо проще. Отныне на Глайдер-плейс должны будучи кипятить каждую каплю воды.

Денни поднялся тоже.

— Это Гриффитса следовало бы прокипятить! — проворчал он, затем с прежним сарказмом добавил: — Пожалуйста, без трогательных выражений благодарности, доктор! Нам с вами, вероятно, придется еще не раз терпеть общество друг друга, пока вся эта история не закончится. Приходите ко мне когда захочется. Мы здесь не слишком избалованы общением с людьми. — Он посмотрел на свою собаку и закон-

чил грубо: — Даже доктору-шотландцу будем рады. Не так ли, сэр Джон?

Сэр Джон Гоукинс ударил хвостом по ковру и, словно дразня Мэнсона, высунул красный язык.

Тем не менее, возвращаясь домой через Глайдер-плейс, где он по пути дал строгий наказ относительно кипячения воды, Эндрю чувствовал, что Денни теперь вовсе не так уж ему противен, как казалось раньше.

#### IV

Эндрю ринулся на борьбу с тифом со всем пылом энергичной и стремительной натуры. Он любил свое дело и считал удачей то, что ему в самом начале карьеры представился такой случай. Эти первые недели он работал как вол, и работал с наслаждением. На нем лежала вся повседневная практика, а справившись с ней, он с увлечением занимался своими тифозными больными.

Пожалуй, ему везло в этой первой борьбе. К концу месяца все его пациенты стали поправляться, и можно было думать, что вспышка эпидемии подавлена. Когда он размышлял обо всех принятых им мерах, которые проводил с неумолимой строгостью: кипячении воды, дезинфекции, изоляции больных, о пропитанных карболкой простынях на каждой двери, хлорной извести, которую он целыми фунтами заказывал за счет миссис Пейдж и собственноручно засыпал ею сточные канавы на Глайдер-плейс, — он говорил себе в упоении: «Помогло! Я не стою такого счастья. Но, видит Бог, это сделал я!»

Он испытывал тайную, постыдную радость оттого, что его пациенты выздоравливают быстрее, чем пациенты Денни.



Денни по-прежнему оставался для него загадкой, раздражал его. Они теперь, естественно, встречались часто, навещая больных на одном и том же участке. Денни нравилось обрушивать всю силу своей иронии на дело, которое делали они оба. Он называл себя и Мэнсона «грозными истребителями эпидемии» и смаковал эту избитую фразу с каким-то злорадным удовлетворением. Но весь его сарказм, все его насмешливые замечания вроде «не забывайте, доктор, что мы поддерживаем честь поистине славной профессии» не мешали ему проводить часы в комнатах больных, сидеть у их постелей, касаться их руками, не думая о заразе.

Временами Эндрю готов был полюбить его за проблиски стыдливо-сдержанной сердечности и простоты, но затем какое-нибудь злое, хлесткое слово опять портило все. Как-то раз Эндрю, огорченный и задетый, прибегнул к «Врачебному адрес-календарю» в надежде узнать что-нибудь о Денни. Это был старый, изданный пять лет тому назад справочник, найденный им на полке у доктора Пейджа, но в нем оказались потрясающие сведения о Филипе Денни. Оказалось, что он окончил с отличием Кембриджский университет, имеет звание магистра хирургии и занимал должность старшего хирурга в городе Либоро.

Десятого ноября Денни неожиданно позвонил ему по телефону:

— Мэнсон, мне бы надо вас повидать, не можете ли вы прийти ко мне в три часа? Очень важное дело.

— Хорошо, приду.

За завтраком Эндрю был задумчив. Доедая деревенский пирог, который ему сегодня подали, он почувствовал на себе упорный взгляд Блодуэн — игристый, но вместе с тем повелительный.

— Кто это говорил с вами по телефону? Денни, да? Вам не следует якшаться с таким субъектом. Никакой пользы от него не будет.

Эндрю холодно посмотрел ей в глаза:

— Напротив, он мне был очень полезен.

— Да полноте, доктор! — злобно окрысилась Блодуэн, как всегда, когда ей перечили. — Он самый настоящий сумасброд. Лекарств он обычно совсем не прописывает. Да вот, например, когда пришла к нему Рис Морган, которую всю жизнь врачи лечили разными лекарствами, он посоветовал ей ходить каждый день две мили в гору и перестать «заливать себя всяким свиным пойлом». Это его подлинные слова. Тогда она от него ушла к нам и получала от Дженкинса бутылку за бутылкой отличные микстуры. Этот Денни просто мерзкий грубиян. Все говорят, что у него где-то имеется жена, которая с ним не живет. Вот какой это человек! К тому же он почти всегда пьян. Лучше не связывайтесь с ним, доктор, и помните, что вы работаете для доктора Пейджа.

При этом уже не раз слышанном наказе Эндрю ощутил бурный прилив раздражения. Он делал все, что мог, чтобы угодить миссис Пейдж, но ее требовательности не было границ. Под ее подозрительностью и шумной веселостью, сменявшими друг друга, всегда чувствовалось намерение использовать его до последней возможности и дать в обмен как можно меньше. Жалованье за первый месяц она уже задержала на три дня. Может быть, это с ее стороны было просто забывчивостью, но такая забывчивость очень беспокоила и злила Мэнсона. И сейчас вид этой цепко оберегавшей свое благополучие жирной, цветущей женщины, которая посмела критиковать Денни, вывел его из себя. Он сказал в сердцах:

— Я бы лучше помнил, что работаю на доктора Пейджа, если бы вовремя получал свое жалованье, миссис Пейдж.

Она сразу покраснела, вызываяще вздернула голову, и Мэнсону стало ясно, что она отлично помнила об этом все время.



— Получите! Эка важность, подумаешь!

До конца завтрака она сидела надутая, не глядя на Эндрю, как будто он ее чем-нибудь оскорбил. Но когда он после завтрака был призван в гостиную, она встретила его уже в другом настроении — слащаво-любезная, веселая, улыбающаяся.

— Вот ваши деньги, доктор. Присаживайтесь и будьте пообходительнее. Нам с вами надо жить дружно, иначе ничего у нас не выйдет.

Она сидела в зеленом плюшевом кресле, и на ее полных коленях лежало двадцать фунтовых бумажек и черный кожаный кошелек. Взяв в руки ассигнации, она принялась медленно отсчитывать их, передавая Мэнсону: «Один, два, три, четыре». Чем меньше становилась пачка, тем медленнее она считала, ее хитрые черные глазки вкрадчиво мигали, и, дойдя до восемнадцати, она остановилась с легким вздохом сожаления:

— Ох, доктор, это большие деньги в наше трудное время! Не правда ли? «Давай и бери» — вот мой девиз. Можно оставить себе на счастье остальные два фунта?

Мэнсон молчал. Она своей мелочной жадностью ставила себя в унижительное положение. Ему было известно, что врачебная практика приносит ей солидный доход. Долгую минуту она сидела так, сверля глазами его лицо, затем, не встретив в ответ на свою просьбу ничего, кроме ледяного бесстрастия, сердитым жестом швырнула ему последние две бумажки и сказала резко:

— Смотрите же, заслужите эти деньги!

Затем рывком поднялась и уже хотела выйти из комнаты, но Эндрю остановил ее на пути к дверям:

— Одну минуту, миссис Пейдж.

В голосе его звучала нервная решительность. Как ни противно ему было, он решил не давать потачки этой жадной особе.

# Оглавление

Часть первая .....	5
Часть вторая .....	130
Часть третья .....	271
Часть четвертая .....	293

Литературно-художественное издание

АРЧИБАЛЬД КРОНИН  
ЦИТАДЕЛЬ

Ответственный редактор Ольга Рейнгерверц  
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.  
Технический редактор Татьяна Раткевич  
Компьютерная верстка Екатерины Киселевой  
Корректоры Татьяна Бородулина, Маргарита Ахметова  
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 16.11.2017. Формат издания 75 × 100 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 22,56. Заказ №

Знак информационной продукции  
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —  
обладатель товарного знака АЗБУКА®  
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»  
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами  
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.  
[www.pareto-print.ru](http://www.pareto-print.ru)

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: [sales@atticus-group.ru](mailto:sales@atticus-group.ru); [info@azbooka-m.ru](mailto:info@azbooka-m.ru)

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: [trade@azbooka.spb.ru](mailto:trade@azbooka.spb.ru)

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: [sale@machaon.kiev.ua](mailto:sale@machaon.kiev.ua)

Информация о новинках и планах на сайтах:

[www.azbooka.ru](http://www.azbooka.ru), [www.atticus-group.ru](http://www.atticus-group.ru)

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества  
размещена по адресу: [www.azbooka.ru/new\\_authors/](http://www.azbooka.ru/new_authors/)



И-АКБ-22087-01-Р